

Глава 1: Первая встреча

Двадцать третий год девиза правления Сюаньцин, Праздник фонарей.

Цзяннань, торговый город округа Янь, ночной рынок Тунхуай.

Тысячи фонарей зажгли ночное небо, а улицы бурлили бесконечным людским потоком, чей гул вздымался и опадал подобно волнам. На озере Биху дрейфовали бесчисленные прогулочные суда; звуки струн и флейт скользили по водной глади, расходясь далеко вокруг дрожащим эхом.

Внезапно ночную тишину прорезал рокот барабанов. У подножия павильона Дэнъюнь слуга выкрикнул:

— Фонарь зажжён!

Павильон Дэнъюнь был самым знаменитым заведением в округе. Каждый Праздник фонарей на крыше седьмого этажа вывешивали золотого журавля, отлитого из чистого золота, — главный приз ночного рынка. Тот, кто после того, как фонарь загорится, первым заберется на крышу и заберет его, мог претендовать на это сокровище стоимостью в тысячу таэлей.

Едва слова слуги затихли, как десятки нетерпеливых теней взмыли ввысь. В считанные мгновения первые смельчаки оказались у самой верхушки павильона. И тут с палубы далекого судна, стоявшего у берега, в ночь взлетела тонкая фигура.

Это был высокий, статный юноша. Поверх бледно-желтого платья на нем был накинут светло-зеленый халат. На первый взгляд узор его одежд казался простым, но когда рукава затрепетали в каскаде огней, на ткани вспыхнули едва заметные золотые нити. Это была парча, вытканная с золотом, — целое состояние. Однако на поясе у него не было дорогих нефритовых подвесок, столь любимых наследниками знатных родов — лишь один расшитый мешочек-саше, чье изящество усмиряло кричащую роскошь наряда. Одно — богатое, другое — скромное; этот баланс придавал ему ореол естественного благородства, который невозможно было не заметить.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что на молодом человеке была шляпа с вуалью — вещь, которую мужчины носили редко. С краев вуали свисало несколько золотых колокольчиков, лишенных язычков, чтобы не издавать ни звука: они лишь удерживали сетку на месте, не звеня при движении. Вуаль трепетала, но не поднималась, полностью скрывая его лицо.

Лишь мимолетный силуэт, подобно летящей птице, можно было уловить в этом загадочном образе. В мгновение ока светло-зеленая фигура пронеслась над ярко освещенной улицей, обойдя всех соперников, и сорвала золотого журавля с крыши павильона.

Улица взорвалась восторженными криками.

Знатные барышни шептались:

— Из чьей он семьи?

Мастера боевых искусств поражались:

— Какая блестящая техника передвижения!

Слуги аристократических домов, ждавшие своих господ внизу, бросились вперед, готовые пригласить его на кубок вина и завязать знакомство. Но юноша под вуалью не задержался. С фонарем в руке он легко ступил на кончик шеста и удалился с непринужденной грацией, словно скользя по воздуху. Он уплыл прочь, как парящий журавль, не оставив следов и не выказав ни капли привязанности к своему триумфу.

Шэнь Чии перемахнул через перила прогулочного судна и мягко приземлился на смотровую площадку. В руках он нес золотого журавля, отвоеванного мгновение назад у десяти тысяч соперников. Он бережно прикрывал пламя рукой; огонек свечи мягко подрагивал на золотой спине птицы, не погаснув за время пути.

У Лин, его слуга, уже ждал. Он шагнул вперед, намереваясь забрать фонарь. Шэнь Чии отмахнулся и велел:

— Слишком много глаз было приковано ко мне. Многие пошли следом. Скажи рулевому увести лодку подальше, чтобы они не догнали нас и не испортили мне удачу.

У Лин немедленно удалился.

С другой стороны палубы донесся мягкий вопрос:

— И о какой же удаче идет речь?

Услышав голос, Шэнь Чии обернулся. Говорящий сидел за обеденным столом лицом к деревянным перилам, подставляя лицо ночному бризу. На вид ему было примерно столько же, сколько Шэнь Чии, — плюс-минус десять лет, — но в отличие от расслабленной позы Шэнь Чии, его плечи и спина были идеально прямыми, а выражение лица — торжественным. Его глаза, устремленные на невидимый берег, казались отсутствующими; он даже не повернулся к собеседнику.

С улыбкой Шэнь Чии подошел ближе и поставил фонарь на стол перед ним.

— Разумеется, об удаче преподнести такой подарок красавцу.

Свет свечи мгновенно озарил безупречное лицо молодого человека. Казалось, оно было выписано тушью с предельной тщательностью, штрих за штрихом. Брови и глаза — словно мазки каллиграфа; глаза, глубокие и темные, отражали яркое пламя фонаря, одновременно

пустые и полные жизни. Высокая переносица, волевой подбородок и тонкие, необычайно яркие губы. Ни один свиток поэзии или живописи не смог бы передать такую красоту.

Его волосы, скрепленные нефритовой шпилькой, спадали на халат из белой парчи с золотым шитьем. Контраст черных волос и бледных одежд напоминал темную тушь, пролитую в снежные реки, или сосну, гордо стоящую среди сугробов — элегантно и сурово. Белый халат с вышитым черным бамбуком Шэнь Чии выбирал для него лично. Теперь, видя его на нем, он понимал — выбор был идеальным.

Сквозь сетку вуали Шэнь Чии любовался этой красотой при свете фонаря. Мягкое сияние создавало призрачную дымку, добавляя образу эфирное очарование. Но «красавец» разрушил момент без малейших колебаний:

— Какая жалость, молодой господин Су. Ваша доброта принята к сведению, но мой недуг еще не прошел. Для меня, какой бы фонарь вы ни подарили, все они на одно лицо.

Его слова звучали как легкий ветерок, шелестящий в бамбуке — лаконично, грациозно, без капли резкости. Бесценное сокровище, вырванное из рук тысяч людей, не вызвало в нем ни малейшего всплеска эмоций.

Но Шэнь Чии было не так-то просто обескуражить. Он вытер руки влажной тканью, небрежно взял пирожное из бобов мунг и откусил кусочек.

— Брат Му, вы ошибаетесь. Разница огромна! Я слышал, что этот фонарь целый год стоял в процветающем храме, впитывая ароматы благовоний и молитв. Тот, кто принесет его домой, будет избавлен от болезней и невзгод.

Он скользнул взглядом по расшитому мешочку на поясе Му Чэньсюэ. Тот всегда был при нем, он ни разу не откладывал его в сторону. Шэнь Чии не знал, что внутри, но когда помогал ему одеваться утром, разглядел его поближе. Мешочек был расшит буддийскими стихами, которые Шэнь Чии не смог прочесть.

Пока он говорил, в горле пересохло, а голос стал хриплым. Он поспешно схватил чашку с холодным чаем, сделал несколько глотков и откашлялся. Хотя стало легче, голос все равно звучал грубее обычного.

«Не повезло», — подумал он.

Впрочем, его роль была не более чем фоном — персонаж, едва упоминавшийся в оригинальной истории. Он стал бесполезным молодым наследником принца Цана, описанным в тексте как хилый и скудоумный слабак, никак не связанный с основным сюжетом. Несколько месяцев назад, когда страсти в главной сюжетной линии начали накаляться, он забеспокоился, что беда может затронуть и его, праздного отпрыска королевской крови. Чтобы избежать катастрофы, он пустил слух, что наследник Цана слег с рецидивом старой болезни и не принимает посетителей — а сам тайком сбежал в Цзяннань, чтобы пожить в свое удовольствие под чужим именем.

Но судьба сыграла с ним шутку. Той зимой в Цзяннани разразилась эпидемия. Он подхватил ее, и выдуманная болезнь превратилась в настоящую. Хотя он поправился через несколько дней, горло все еще болело. Лекарь сказал, что голос останется хриплым еще как минимум месяц.

Однако несчастье принесло и возможность. Именно из-за этой болезни он пошел в клинику на лечение — и там случайно увидел этого слепого, несчастного молодого дворянина.

В тот день мужчина сидел молча за слоями занавесок, окутанный тусклым светом. Лишь когда ветерок колыхнул ткань, Шэнь Чии удалось разглядеть его лицо — утонченное и поразительное, полное достоинства.

Шэнь Чии замер, тайно наблюдая за ним какое-то время. Элегантный юноша со взглядом в никуда, казалось, ничего не видел. Он сидел, вслушиваясь в суету улицы снаружи, и тень печали лежала на его резких, холодных чертах. Совсем не похоже на человека, обремененного радостными мыслями.

«Почему кто-то столь неземной, словно сосланный небожитель, не тронутый пылью мира, оказался в таком одиночестве среди простого люда?»

Шэнь Чии спросил лекаря:

— Тот молодой господин... он похож на моего старого школьного товарища. Но боюсь ошибиться. Могу я узнать его имя и почему он здесь?

Лекарь ответил:

— Он? Его фамилия Му, зовут Чэньсюэ. Говорит, что из купеческой семьи. Несколько дней назад, когда он возвращался домой с товаром, на него напали бандиты. Мало того что слуг перебили, так еще и в глаза порошком плеснули — ослеп он. К счастью, травник нашел его за городом и привез сюда.

— Как опасно! Неужели он не связался с родными? Почему он все еще в клинике?

— У него нет денег, некуда идти. Сказал, подождет, пока глаза заживут, прежде чем звать родных, чтобы оплатить лечение. Если вы его знаете, молодой господин, может, поможете бедняге?

Шэнь Чии не мог вынести вида такой красоты в беде — его сердце дрогнуло. Под псевдонимом, который он часто использовал в путешествиях — Су Я, якобы дальний родственник семьи Су из Линьяня — он оплатил счета Му Чэньсюэ и пригласил его на свое судно в Цзяннани для восстановления.

Он думал, что завоевать доверие незнакомца будет непросто. Но, к его удивлению, Му Чэньсюэ согласился без колебаний. Тем не менее, они оставались лишь случайными знакомыми, ничего не знающими о истинном происхождении друг друга.

В первые дни Му Чэньсюэ держался очень отстраненно. Он говорил мало, взвешивая каждое

слово. Но однажды, когда они сидели на носу лодки и слушали, как У Лин читает вслух официальный судебный вестник, Шэнь Чии задремал.

Проснувшись, он услышал вопрос Му Чэньсюэ:

— Каждый раз, когда выходит вестник, молодой господин Су боится пропустить хоть слово. Я думал, вам интересны дела государственные — почему же вы уснули? Если вам это в тягость, не стоит продолжать.

Спросонья Шэнь Чии не понял подтекста и решил, что самому Му Чэньсюэ скучно. Он зевнул и пояснил:

— В прошлый раз, когда я водил брата Му в чайную, вы так внимательно слушали новости за соседним столом, что даже не услышали, как я вас зову. Я подумал, вам это нравится... вот и велел слуге следить за свежими выпусками, чтобы вы не скучали днем.

Шэнь Чии ожидал привычного вежливого отказа: «Не стоит утруждать себя, господин Су». Но на этот раз Му Чэньсюэ промолчал. Его спокойное лицо не выражало никаких мыслей. Постепенно приходя в себя, Шэнь Чии осознал, что его объяснение прозвучало так, будто он набивается на благодарность. Его щеки вспыхнули, и он выдавил виноватую улыбку:

— Брат Му, должно быть, смеется надо мной. В следующий раз я не усну.

Му Чэньсюэ спокойно произнес:

— Я немного смыслю в музыке.

— ...Мм?

— Хотя я больше не вижу достаточно хорошо, чтобы играть на цине, с флейтой я справлюсь. Раз уж вам нравятся мелодии, нет ли у вас инструмента под рукой?

Шэнь Чии немедленно отправил У Лина за лучшей флейтой в городе. С того дня их досуг наполнился не чтением вестников, а звуками музыки. Му Чэньсюэ стал позволять Шэнь Чии многие вольности. Иногда он даже выказывал признаки раздражения на выходки Шэня, но на того это не производило никакого впечатления.

И Шэнь Чии стал смелее. День за днем он уговаривал Му Чэньсюэ сыграть или настоятельно звал на ночной рынок гулять, любоваться огнями и пить вино. Как сегодня.

Праздник фонарей подходил к концу. Пламя свечи дрожало. Му Чэньсюэ медленно поднялся и опустил взгляд.

— Я чувствую себя неважно. Если господин Су желает продолжить веселье, прошу, не обращайтесь на меня внимания. Я пойду к себе.

Его рука скользнула по краю стола, задев золотого журавля. Он на мгновение замер, и его трепещущие ресницы выдали секундное колебание. Под белой вуалью Шэнь Чии прищурился. Человек перед ним явно не видел, но будто чувствовал взгляд. Мгновение назад он колебался, но в мгновение ока отдернул руку, не взяв фонарь. Вместо этого он нащупал трость и повернулся, чтобы уйти.

— Брат Му, если вам нездоровится, может, позвать лекаря?

— Не нужно.

Шэнь Чии усмехнулся, доел пирожное, подхватил золотой фонарь и последовал за ним, чтобы проводить до комнаты.

Едва они вошли, Му Чэньсюэ хотел отставить трость, но случайно задел рукой незажженный подсвечник на чайном столике. Слух Шэнь Чии уловил движение, и прежде чем подсвечник успел упасть, он грациозно скользнул мимо Му Чэньсюэ. Легким движением колена он подбросил падающий предмет прямо себе в ладонь и поставил на место.

Он мог бы просто подхватить его руками, но нет — ему нужно было сделать это максимально эффектно. Завершив маневр, он эффектно встряхнул рукавом, чувствуя себя невероятно лихим. Затем оглянулся, ожидая реакции. Но мужчина стоял с бесстрастным лицом — его глаза все еще ничего не видели.

— ... — Сердце Шэнь Чии екнуло. — Брат Му, помощь нужна?

— Нет.

— ...Хорошо.

Несмотря на отказ, он проигнорировал слова. Поставил фонарь, разложил чистую одежду для сна, приготовил полотенца, расстелил постель и тихо вышел. Му Чэньсюэ, слыша движения, слегка наклонил голову, но ничего не сказал.

Как только Шэнь Чии вышел, к нему подошел У Лин с видом человека, которому есть что доложить.

— Молодой господин?

— Иди за мной.

Он привел слугу в свои покои и спросил:

— Что там?

— Перед Новым годом вы просили знакомых во дворце разузнать о местонахождении нескольких людей. Только что пришел ответ. Все они в столице. В имперском городе всё спокойно, ничего необычного.

Это было кстати. Шэнь Чии хотел лишь тихой жизни стороннего наблюдателя, не желая вмешиваться в основной сюжет. Все эти годы он намеренно держался подальше от ключевых персонажей книги. Каждый раз, отправляясь куда-то, он проверял местонахождение «опасных» личностей, чтобы избежать встречи. Если бы хоть один из них объявился в округе Янь, он бы немедленно схватил Му Чэньсюэ и У Лина и дал деру.

Он уточнил:

— Ты уверен? Все в столице? Особенно наследник семьи Лоу, Лоу Циншуан...

Хотя У Лин не понимал, зачем его господину сдался этот новоиспеченный вельможа, которого тот никогда не видел, он ответил:

— В донесении сказано, что господин Лоу простудился в прошлом месяце и восстанавливается дома. Он не покидал столицу, даже за порог не выходил.

Шэнь Чии с облегчением выдохнул. Этого он боялся больше всего. Главный герой истории, Лоу Циншуан, был истинным мастером политических интриг. Для всех он казался идеальным дворянином — утонченным, благородным, излучающим тепло и элегантность. На деле же он просто мастерски водил за нос императорскую семью и все чиновничество. Лишь захватив власть и подчинив себе императора, он явил свою безжалостную, ледяную и меркантильную натуру. Вся столица превозносила его как образец добродетели. Но Шэнь Чии знал правду. За этим безупречным фасадом скрывалась бездна тьмы — любого, кто приближался к нему, ждала ужасная участь. Из всех персонажей оригинала больше всего он опасался именно Лоу Циншуана. У него не было ни малейшего желания когда-либо пересекаться с ним.

Му Чэньсюэ долго стоял у порога. Ветер шумел в ночи, а затихающие шаги Шэнь Чии растворились в коридоре. Услышав, как тот зашел в свою комнату неподалеку, Му Чэньсюэ внезапно закрыл дверь и негромко произнес:

— Выходи.

Раздался глухой звук — кто-то спрыгнул сверху. Тайный страж, ждавший удобного момента, опустился на одно колено.

— Мой лорд. Я ждал, пока вы останетесь одни, не смея показаться. Значит, вы уже заметили... Ваши глаза...

Но тот, о ком он так беспокоился, никак не отреагировал. Страж встретил лишь спокойный, непостижимый вопрос:

— Ты один?

— Согласно вашим указаниям, лорд Чжоу завершил задание и отправил меня по оставленному вами следу. Я следил за лодкой весь день, никого не информируя. При дворе верят, что ваша

болезнь настоящая. Все думают, вы дома, слегли с простудой.

Помолчав, Му Чэньсюэ поднял руку. Ранее его движения казались неловкими и неуверенными. Но теперь его пальцы безошибочно нашли золотой фонарь на столе. Его ладонь скользнула над пламенем, словно он не чувствовал жара. Голос оставался ровным и твердым:

— Молодой господин из семьи Су, что сидел со мной только что...

Страж напряженно ждал, пока наконец мужчина не спросил мягким, отстраненным тоном:

— Ты видел его лицо?

— ...Нет. Этот господин все время был в вуали. Но я могу прокрасться и взглянуть.

— Переоцениваешь себя.

Страж замер, мгновенно осознав смысл. Его господин имел в виду, что навыки того человека намного превосходят его собственные. Дело было не в том, что Шэнь Чии не заметил его в комнате из-за скрытности стража. Скорее, Шэнь Чии просто отвлекся на шум падающего предмета.

— Мой лорд, вы даже скрыли мое присутствие... Подчиненный...

Хотя человек у стола не выказывал гнева, а его голос был прохладен, холодный пот уже градом катился по лбу стража.

— Э-этот подчиненный был глуп.

Тишина. Мужчина поднял золотой фонарь и слегка дунул. Пламя погасло. Тьма заполнила комнату, оставив лишь бледный след лунного света на полу.

— Возвращайся. Завтра пришлешь людей за мной.

— Мой лорд! Сегодня Праздник фонарей, кругом толпы. Многие видели вас на лодке, кто-то наверняка узнает. С вашим недугом, если пойдет слух, что вы без охраны...

Ответа не последовало. Тайный страж понял, что спорить бесполезно.

— Слушаюсь.

Он уже собирался уходить, когда голос господина остановил его.

— Ах да, подожди.

Его тон всегда был холодным, но в этот миг в нем неосознанно проступило многолетнее воспитание — непринужденное благородство, тихая грация и отточенная вежливость. Но, не договорив, он внезапно вспомнил: здесь некому на него «смотреть». Нет зрителей, способных

оценить этот образ джентльмена, лучезарного, как луна.

Он на мгновение запнулся. Мягкая каденция голоса оборвалась, сменившись горьким, самоироничным смешком. Голос мгновенно стал ледяным, как клинок, выхваченный из-под толщи снега.

— Оставь кинжал. И вон.

<http://bllate.org/book/15473/1437716>